

УДК 81'25 + 81'23
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-127-137

Ли Сан Юн

*НИУ Высшая школа экономики
ул. Союза печатников, 16, Санкт-Петербург, 190121, Россия*

sanyoun@gmail.com

**РЕАЛИИ КОРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ПАК ГЁННИ «ДОЧЕРИ АПТЕКАРЯ КИМА»)**

В романе известной писательницы Республики Корея Пак Гённи «Дочери аптекаря Кима» описываются трагические для Кореи события конца XIX – начала XX в., социальные устои колониального периода, религиозные воззрения корейцев, отношения в обществе и семье, положение женщины, а также особенности быта разных слоев населения (аристократов, зажиточных людей, слуг).

Цель данной статьи: с критической точки зрения рассмотреть перевод текста романа, содержащего очень много реалий – национального своеобразия корейской культуры, материальной и духовной жизни корейского общества, – которые для российских читателей являются экзотичными.

В результате сопоставления корейского и русского текстов выявлено, что перевод некоторых этнографических реалий не соответствует оригиналу. Например, неверно переведены слова и понятия, связанные с традиционным корейским жилищем и оригинальной системой отопления в нем (ондоль); народные приметы, религиозные воззрения корейцев, их отношение к духам умерших родственников, различным потусторонним силам, траурным церемониям, одежде, надеваемой во время похорон. В Корее верили и в различные предсказания. Так, считалось, что дети человека, который умер, отравившись мышьяком, не будут иметь потомков (по мужской линии). В романе это предсказание сбывается: первый сын аптекаря Кима умирает в детстве, а за ним рождаются шесть дочерей.

Кроме того, в переводе обнаружены примеры диалекта южной провинции Кёнсандо – языковых отклонений от стандартного сеульского диалекта, неправильно переданные на русский язык, а также примеры несоблюдения традиционных правил вежливости при разговоре. Эти правила вежливости закреплены в самом языке и представляют собой важную составляющую менталитета корейцев.

Вывод: в переводе романа «Дочери аптекаря Кима», высоко оцененного, тем не менее, критиками и читателями многих стран, содержатся неточности в передаче некоторых этнографических реалий и явлений, отсутствующих в русской культуре, ошибки при переводе прямой речи персонажей и кёнсанских диалектизм. Невладение фоновой культурной информацией исходного текста не позволило переводчику избежать ошибок и неточностей при передаче социокультурного контекста романа Пак Гённи, что повлияло на его художественное содержание, хотя и в разной степени.

Ключевые слова: перевод корейской литературы, Пак Гённи, «Дочери аптекаря Кима», фоновая информация, этнографические реалии.

Роман классика корейской литературы Пак Гённи (1930–2010) «Дочери аптекаря Кима» («*Ким яккук-ый тталь-дыль*» 박경리 «*김약국의 딸들*» [2008]) посвящен событиям конца XIX и начала XX в., когда Корея, отказавшись от политики «закрытых дверей», приступила к налаживанию отношений с западными странами и оказалась под протекторатом Японии. На примере одной семейной истории автор показывает трагедию корейского народа, тридцать пять лет жившего под колониальным гнетом. Читатель может узнать, как в тот период

Ли Сан Юн. Реалии корейской традиционной культуры и художественный перевод (на примере романа Пак Гённи «Дочери аптекаря Кима») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 127–137.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3

© Ли Сан Юн, 2018

корейское общество воспринимало новые западные веяния, каких морально-этических правил придерживались в традиционной семье, каковы религиозные воззрения корейцев и особенности быта разных слоев населения.

В тексте романа встречается много реалий, содержащих в себе фоновую культурную информацию о Корее. Вопрос о фоновых знаниях, фоновой культурной информации, ее месте в переводе, стратегии и приемах передачи рассматривался в трудах отечественных и зарубежных исследователей: Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [1990], В. С. Виноградов [2006], В. Н. Комиссаров [1990; 1992], Ю. А. Сорокин [2003], С. Влахов и С. Флорин [1980] и др.

«Фоновая информация – это социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [Виноградов, 2006. С. 37]. Термин «реалии» специалисты определяют по-разному. По мнению В. С. Виноградова, реалии – это «специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т. п.» [Там же. С. 38].

На практике перевод реалий осуществляется разными путями (в тексте или вне его с помощью сносок, ссылок, комментариев). Стратегия же, которую выбирает переводчик, решая главную задачу – обеспечить правильное понимание рецептором перевода особенностей чужой культуры, зависит от его подхода к культурно-этническому аспекту перевода.

Вопрос о различиях в культуре языка оригинала и языка перевода, волновавший переводчиков с древности, в наше время становится все актуальнее. Кроме указанных выше российских ученых, большой вклад в теорию перевода по этому вопросу внесли американские исследователи. Так, в 1960-е гг. теоретик, основатель принципа динамической эквивалентности, продемонстрированного на переводе Библии, Юджин Найда [Nida, 1964] с целью упростить читателю понимание текста священного писания использовал стратегию существенной адаптации перевода, сглаживающую культурно-этнические различия между народами.

Другой известный американец, теоретик и переводчик Лоуренс Венути [Venuti, 1995] обосновал принципы доместикации (т. е., в «старых» терминах, культурной адаптации) и форенизации (иностранизации), по которым стратегию Ю. Найды следует отнести к принципу доместикации. При переводе в этом случае опускаются реалии чужого народа, которые требовали бы дополнительного объяснения, а сложные для понимания читателя слова и явления заменяются сходными словами-аналогами и явлениями культуры языка перевода. Доместикации противостоит форенизация, предполагающая сохранение в тексте культурных особенностей – реалий чужой страны – путем дополнительных комментариев, поясняющих непередаваемые слова и явления.

Кроме того, существует и англо-американская теория культуроориентированного перевода, взявшая на вооружение девиз «переводить культуры». «Эта теория, пренебрегая изучением способов достижения адекватности в ходе процесса перевода, необоснованно преувеличивает роль переводчика художественной литературы, выдвигая его в качестве активной фигуры в пространстве межкультурной коммуникации и наделяя его статусом “тоже писателя”, призванного повлиять на cultural power relationships» [Фефелов, 2014. С. 90].

Нельзя не согласиться с позицией А. Ф. Фефелова относительно роли переводчика. Бесспорно, роль его в процессе межкультурной коммуникации является ключевой, но от того, владеет ли он, кроме необходимых знаний и умений, фоновой культурной информацией, зависит результат перевода. В книге Сергея Влахова и Сидера Флорина «Непереводимое в переводе» указывается, что без фоновых знаний «информация переводчика <...> окажется неполной, неясной, иногда искаженной или даже вымышленной под влиянием неверно <...> воспринятых деталей подлинника» [1980. С. 330]. Кроме того, авторы подкрепляют свою позицию цитатой из работы видного французского лингвиста Жоржа Мунена «Теоретические проблемы перевода»: «...чтобы переводить с иностранного языка, нужны две предпосылки, из которых каждая необходима, а одной недостаточно: выучить этот иностранный язык и изучить (систематически) этнографию коллектива, пользующегося этим языком. Не может быть полноценного перевода, если не удовлетворены оба условия» (цит. по: [Влахов, Флорин, 1980. С. 329]).

Чтобы сохранить в максимально возможной степени этнокультурное содержание оригинала, передать точный смысл этнографических явлений, отсутствующих в русской культуре, переводчику романа Пак Гённи пришлось столкнуться с большими трудностями, которые не всегда были успешно преодолены им. Сложность должны были вызвать не только поиск необходимых лексических соответствий в русском языке, но и диалект провинции Кёнсандо, на котором говорят персонажи романа¹.

В этом произведении, например, часто встречаются этнографические реалии – слова, обозначающие понятия быта, материальной и духовной культуры, религии, искусства, фольклора. В книге описаны история жизни семьи главного героя – аптекаря Кима – и различные ситуации, часто происходившие в его *родовом* доме, поэтому для того, чтобы читатель мог познакомиться с традиционной этнографической культурой, важно было обратить внимание на особенности быта корейцев, живущих в традиционном доме, который имеет в корейском языке специфическое название: *ханок*.

Традиционный корейский дом, как правило, был одноэтажным, каркасно-столбового типа, устанавливался на высоте около полуметра от земли; строение разделялось на два флигеля – мужской (внешний) и женский (внутренние покои, кухня и двор). В мужском флигеле *саранпан* (사랑방) обычно проживал глава семьи. На этой половине дома принимали гостей, и ее называли гостевой или гостиной, это была главная часть жилища, поэтому эквивалент «боксовая комната» никак не может соответствовать статусу главы семьи. Следовательно, не «боксовая комната» [Пак Гённи, 2011. С. 17]², а именно «гостиная» будет адекватным соответствием слову *саранпан*.

Важной частью корейского дома является его конструктивная особенность, обозначаемая словом *мару* (마루), которое в Большом корейско-русском словаре [БКРС, 1976. С. 418] переводится как *деревянный пол*. Ею не следует пренебрегать, потому что и в наши дни многие корейцы, несмотря на то что живут в многоэтажных домах, спят на полу, готовят еду и принимают пищу за низкими столиками, сидя на полу. Другими словами, его функции в современной корейской культуре шире, чем в современной русской. Однако слово *мару* является скорее экзотизмом и имеет более широкое значение, чем отмечено в словаре. Так, например, крытую террасу (т. е. имеющую общую с домом крышу) с деревянным полом перед входом в жилые комнаты, куда поднимаются по каменным ступеням и снимают обувь на верхней, также называют *мару*. Кроме того, в домах зажиточных людей, как правило, имелось довольно широкое пространство, называемое *тэчхон мару* (대청 마루, поморфемный перевод – большой пол), с деревянным полом между комнатами главного флигеля, где в теплое время года принимали гостей и проводили семейные церемонии.

События романа происходят в провинции Южная Кёнсандо, где летом очень жарко. Поэтому дома строились там с таким расчетом, чтобы ветер свободно гулял по всей постройке. Перевод *тэчхон мару* как «бамбуковая терраса» (с. 14, 38), обнаруживаемый в романе, нельзя назвать адекватным соответствием. Известный этнограф Р. Ш. Джарылгасинова [1979] называет эту часть дома «открытой верандой». Часто *тэчхон мару* переводят как «крытая терраса».

Говоря о культурной реалии *мару*, нельзя не упомянуть о так называемом теплом поле, специальной системе отопления *ондоль*, которая присуща только корейскому жилищу. Корейские исследователи полагают, что у *ондоля* есть связь с *каном* (обогреваемая лежанка), который появился в железном веке в государстве Когурё (37 г. до н. э. – 668 г.) и эволюционировал в *ондоль* в середине правления Корё (подробнее об этом см.: [Артемьева, 2008. С. 39, 44]).

Помещения обогреваются в этом случае снизу горячим воздухом, проходящим под полом по трубам-дымоходам, идущим от топки, которая устанавливается на кухне во внутреннем дворе (подробнее об этом см.: [Джарылгасинова, 1979. С. 220]). Помещение, расположенное ближе всех других комнат к топке, называется *арэтпан* (아랫방, поморфемный перевод –

¹ Отличительной чертой кёнсанского диалекта является тон, который резко выделяет его из ряда других диалектов. Кроме того, в нем используются особая лексика и некоторые окончания, придающие речи определенный колорит.

² Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

нижняя комната), и это не подвал и не его аналог, как переведено на русский язык (с. 38), поскольку подвала как такового просто не может быть в корейском доме.

Прежде чем перейти к другой этнографической реалии – похоронам, описанным в романе, следует уделить внимание ранним религиозным представлениям корейцев. «Наряду с почитанием неба, – указывает этнограф-востоковед, – корейцы одухотворяли видимую природу, населяя ее бесчисленными духами... По религиозным понятиям корейцев, они находятся в каждом доме, в каждой вещи... Духи делились на добрых и злых. Счастье и благополучие всякого человека зависело от его умения снискать себе расположение добрых духов» [Ионова, 2011. С. 57]. Души же умерших родственников «образовывали как бы невидимую часть рода и семьи» [Там же. С. 230]. При этом «они требовали большого внимания и заботы, так как им приписывалась способность мстить и вредить. Отсюда... и постоянный страх, чтобы кто-нибудь не обидел покойников, не потревожил их сон» [Там же]. По мнению Ю. В. Ионовой, в Корее «самыми опасными духами считались *токкэби* – души людей, погибших внезапной или насильственной смертью, и нечистые духи *сагэм*, пользующиеся малейшим случаем, чтобы досаждать и беспокоить людей. Шаманы вели с ними постоянную борьбу при помощи своих заклинаний» [Там же. С. 57–58].

Сказанное о духах и душах имеет прямое отношение к содержанию романа и его переводу. Главный герой, аптекарь Ким, которого в детстве звали Сонсу, в младенчестве остался без родителей. Его мать Сукчон выдала замуж в семью Кимов, разлучив с женихом Оком, поскольку по гадальным книгам совместная жизнь влюбленной пары определилась как несчастливая. Ок, не выдержав разлуки, однажды подошел к дому, чтобы последний раз увидеть возлюбленную. К несчастью, домой вернулся муж, погнался за соперником и убил его. Ни в чем не повинная Сукчон отравилась мышьяком, не выдержав издевательств мужа, который после убийства скрылся из городка. Родовой дом со временем разрушился, и к этим развалинам часто приходит Сонсу, несмотря на запрет и страшные истории о призраках его матери и бывшего жениха, якобы живущих в пустом доме. Об этом написано в главе, названной «*Токкэби чип*» «도깨비 집» и переведенной как «Проклятый дом», так как слово *токкэби* имеет значения «демон, дьявол, черт» [БКРС, 1979. С. 311].

Однако, на наш взгляд, *токкэби* не имеет столь ярко выраженной европейской демонической коннотации. Как правило, в представлениях современных корейцев это сверхъестественное существо с одним рогом, которое отличается плохой памятью, любит поиграть с людьми, особенно помериться силой в *сырым* (вид национальной борьбы. – Л. С. Ю.). Корейский «дух» *токкэби* на рисунках обычно изображается в мужском облике; он носит традиционную одежду *ханбок*, т. е. шляпу из тонких пластинок бамбука, и ходит с деревянной дубинкой, с помощью которой творит чудеса для добрых людей, дает им деньги в долг. Тем не менее *токкэби* иногда занимается и зловредными делами, поэтому люди его боятся, стараются изгнать нечистого из своего жилища (он предпочитает селиться на заднем дворе дома, где находится нужник), а в день зимнего солнцестояния варят кашу из красной фасоли, зная, что *токкэби* боится цвета крови. Им также пугают детей, поскольку духи (как злые, так и добрые) всегда вызывают страх. В сказках для детей встречаются истории о проделках *токкэби*, и поэтому в детских книгах это существо часто изображается шаловливым ребенком³.

³ Например, вот какую историю о *токкэби* рассказывает писательница Пак Вансо (1931–2011) в автобиографическом романе «Забывтый вкус кислички» (*Кы мантх-он сина-нын нуга да мог-осс-ыль-кка*. 박완서 «그 많던 싱아는 누가 다 먹었을까»). Слово *токкэби* в этом произведении переведено как «чертеноч»:

В нашем селении ходили истории, связанные с нужниками, в основном все о чертях, но не страшных, а немного бестолковых и веселых. Рассказывали, что один чертеноч, лишенный обоняния, всю ночь напролет лепит хлебцы из кашепок. Принимая золу за обсыпку из фасоли или сои, он обваливает в ней красиво вылепленные хлебцы, но ему жалко их есть, поэтому на зуб не пробует. Лишь на рассвете, закончив дело, чертеноч откусывает первый кусочек и выплевывает; его тошнит, он в бешенстве разбрасывает все хлебцы, возвращая им прежний вид, и уходит. Если тихонько открыть дверь, когда чертеноч поглощен своим делом, то он смутится – ведь его застали врасплох – и со словами «Отведай-ка мой хлебец» выберет самый большой и протянет «гостю». А если не съест, то может рассердиться, и тогда несдобровать тебе.

Несмотря на то что *токкэби* причисляется иногда к самым опасным духам, переводчице Д. Капарушкиной не следовало бы, в силу сказанного выше, переводить название главы «Токкэби чип» «도깨비 집» как «Проклятый дом», поскольку о проклятии здесь речь не идет. Адекватным соответствием в этнокультурном плане представляется другое название главы – «Дом с призраками».

Из этой главы читатель также узнает о древнем поверье, связанном со злыми духами *квисин*. Умерший человек может стать злым духом и навлечь беду на своих родственников при несоблюдении ими правил церемонии похорон и поминок. Кроме того, *квисин* становятся духи молодых девушек и мужчин, не вступивших в брак, потому что «похороны их совершались без особых обрядов, тело хоронилось без гроба, завернутое в циновку, траура по ним не носили [Ионова, 2011. С. 51].

В романе неизлечимо больная Ёнсун, двоюродная сестра Сонсу, признается ему перед своей свадьбой:

– 시집 안 가고 죽으면 처니구신이 돼서 집안을 망친단다 (박경리, 2008. С. 38)

(Сичжип ан га-го чугым-ын чхони-гусин-и твэ-со чип-ан-ыль манчхин-дан-да).

– Говорят, если умрешь незамужней, после смерти станешь духом старой девы и будешь приносить несчастье всем родным (с. 28).

И тридцатипятилетнему слуге Чи Соквону часто приходится выслушивать от знакомых: «Вот помрешь холостым, станешь злым духом!» (с. 19).

В Корее, кроме духов, верили в различные предсказания. Так, считалось, что дети того, кто умер, отравившись мышьяком, не будут иметь потомков (по мужской линии). В романе это предсказание сбывается: первенец, сын аптекаря Кима, умирает в детстве, а за ним рождаются шесть дочерей.

Особое отношение было у корейцев к шаманам, они верили в их сверхъестественную сущность. И в наши дни «шаманы продолжают считаться нечистыми, а общение с ними в быту – опасным» [Ионова, 2011. С. 165]. Поэтому понятно, почему Пак Гённи вкладывает в уста одной из героинь такие слова: «...говорят, что ребенок шаманки может принести много горя...» (с. 48). В романе принятый в семью аптекаря Кима младенец – сын умершей при родах шаманки – через двадцать лет влюбляется в одну из его дочерей, и эта связь приводит к трагедии.

Следует отметить, что в наши дни и религиозные воззрения корейцев, сложившиеся в глубокой древности, и различные народные верования сосуществуют с другими религиями. В современной Южной Корее по-прежнему соблюдают законы, связанные с погребальными обрядами и поминками, с почтением относятся к духам усопших, два раза в год в определенные дни (по лунному календарю) совершают *чеса* – жертвоприношение духам предков, которые известный кореевед С. О. Курбанов называет «церемониями кормления духов предков» [2007. С. 28–44].

В романе «Дочери аптекаря Кима» упоминаются похороны, ритуал которых всегда был строго регламентирован. Однако в переводе мы обнаружили неточности в описании траурной процессии. По русским традициям, гроб с телом покойного обычно выносятся на плечах мужчинами, однако в Корее, как указывает Ю. В. Ионова, тело «...помещали в паланкин – громадные носилки, со всех сторон затянутые разрисованным балдахином» [2011. С. 227].

Переводчик не учел эту этнографическую деталь, зафиксированную в корейском языке. Выражение *санё-рыль меда* (상여를 메다) означает нести именно носилки с гробом, а не сам гроб. Паланкин несли специальные носильщики. В переводе же эта особенность не указывается, и у читателей создается неправильное впечатление о том, как корейцы провожают человека в последний путь:

흰 꽃상여는 황톳길 장대고개를 넘어간다 (박경리, 2008. С. 61)

(Хин ккот-сангё-нын хван-тхот-киль чантэ-гогэ-рыль ном-о-ган-да).

Переводчик: Белый гроб, украшенный цветами, медленно плыл по скользкой глиняной (! – Л. С. Ю.) дороге (с. 44).

Адекватное соответствие выглядело бы так: *Белый паланкин с гробом движется по глинистой дороге перевала Чандэ.*

Упоминание перевала в романе тоже не случайно. В начале повествования, описывая окрестности городка Тоннён, где разворачиваются события, автор указывает, что его кладбище находится за перевалом Чандэ. По традиции, умерших было принято хоронить на скате холма или горы. «Лучшим считался холм, с которого была видна самая высокая вершина в данной местности...» [Ионова, 2011. С. 226].

Во время погребального обряда ближайшие родственники надевали специальные траурные одежды белого цвета и головные уборы из конопляного холста – *тугон*, который, как подсказывает востоковед, является траурным колпаком [Там же. С. 43], а не траурной шляпой, как переведено на русский язык.

Кроме переводов этнографических реалий, которые не всегда можно назвать адекватными соответствиями, в тексте встречаются ошибки в передаче некоторых диалектных слов – языковых особенностей, характерных для южной провинции Кёнсандо, – и в переводе выражений, используемых в качестве приветствия.

Рассмотрим фразу, которую вместо привычных «здравствуйте» или «до свидания» корейцы часто произносят при встрече, прощании или в знак благодарности за полученную услугу: «*суго ха-се-йо*» (수고 하세요, поморфемный перевод – усилия (работу) делаете), в прошедшем времени – «*суго ха-сёсс-о-йо*» (수고 하셨습니다, поморфемный перевод – усилия (работу) сделали). В зависимости от социокультурной ситуации и от возраста говорящего перевод этого общекорейского выражения может быть разным, поскольку он должен передать особенности конкретного коммуникативного акта и иерархию коммуникантов: «Работайте усердно!», «Славно потрудились!», «Бог в помощь!», «Спасибо. До свидания», «Спасибо за работу!», «Спасибо. Извините за беспокойство», «Досталось же вам!», «Тяжело вам пришлось (так усердно работали)». Однако на диалекте этой провинции вместо *суго ха-сёсс-о-йо* говорят *йок-по-се-йо* (육보세요) или в прошедшем времени – *йок-по-сёсс-ой-о* (육보셨습니다), т. е. это различие между общекорейским и диалектом провинции Кёнсандо является лексическим.

Так, один из персонажей романа приходит к аптекарю Киму и говорит его жене:

제수씨, 이번에 육보셨지요? (박경리, 2008. С. 174)

(Чесу-сси, ибон-е йок-по-сёт-ччи-йо?)

Переводчик: Опять вас опозорили? (с. 113)

Глагол *йокпода* (육보다) переводится как 1) переносить тяжелые испытания; терпеть лишения и 2) быть наказанным; быть отруганным; быть опозоренным [БКРС, 1976]. В данном случае переводчик применил второй вариант перевода, не учтя, однако, что диалектизм может создать сложную социокультурную ситуативную трансформацию. Неправильный перевод привел к ситуации, потребовавшей искажения и следующих за ним предложений. Кроме того, здесь опущено слово *чесусси* (제수씨), тоже несущее существенную культурную нагрузку; в Корее это обращение к жене хорошо знакомого человека. С учетом сказанного адекватное, на наш взгляд, соответствие могло иметь такие варианты: *Здравствуйте, хозяйка. Тяжело вам, должно быть, пришлось в этот раз; Здравствуйте, хозяйка. Настрадались же вы в этот раз.*

Кроме этого специфического слова в качестве приветствия корейцы используют и другие выражения. Например:

-형님, 저녁 잡셨습니까? (박경리, 2008. С. 63)

(Хён-ним, чонёк чап-сасс-ым-не-кка?)

- Вы поужинали? (с. 44)

Это приветствие считается вежливым, оно является характерным знаком внимания к человеку, ведь если он сыт, значит, будет здоров. Такая традиция связана с тем, что простой народ многие столетия жил неблагополучно, и бывали тяжелые времена, когда людям приходилось голодать, поэтому вопрос о хлебе насущном был настолько важным для каждого корейца, что закрепился в языке в виде приветствия. Однако на русский язык такой вопрос-приветствие лучше все-таки переводить привычными «Добрый вечер!» или «Здравствуйте!».

показывая, что он функционирует в культуре уже как приветствие, а не как желание узнать, сыт ли человек.

Следует заметить, что правила вежливости, регулирующие отношения между членами общества, подчинены строгой иерархии и воспитываются у корейцев с детства. Старших (даже если собеседник старше всего на один год) следует почитать и обращаться к ним на «Вы». И жена к своему мужу прилюдно обращается на «Вы», как и к другим мужчинам, старшим по возрасту. В последнее время в Южной Корее на отношения между супругами повлияли феминистические идеи, но, тем не менее, обращение жены к мужу, как правило, остается традиционным, и во многом зависит от статуса главы семьи и его возраста.

Рассмотрим в этой связи перевод некоторых диалогов персонажей романа, в которых эти правила вежливости не учтены либо по незнанию, либо по другим причинам. Возьмем в качестве примера диалог между Сон, старшей невесткой в семье, и ее золовкой, младшей сестрой мужа Сон. В оригинале даже по слову *хённим* (형님, старший брат, старшая сестра), в котором присутствует суффикс вежливости *-ним*, ясно, что золовка обращается к жене старшего брата уважительно.

– 형님, 이자 두 다리 쪽 뻗겠소. 연순이만 출가시키면. (박경리, 2008. С. 32)

(*Хён-ним, ичжа ду дари ччук ппот-кес-со. Ёнсун-и-ман чхуль-га-си-кхи-мын...*)

– Наконец-то пришел конец твоим беспокойствам! Вот выйдет Ёнсун замуж... (с. 24)

Наш вариант:

– *Сестра, теперь Вы и отдохнуть сможете. Вот только Ёнсун бы замуж выдать...*

Второй диалог происходит между молодыми дочерьми аптекаря Кима, и это значит, что в оригинале соблюдаются предписанные традиционной культурой правила вежливости, т. е. младшая сестра обращается к старшей с почтением (*онни 언니*, сестра), несмотря на небольшую разницу в возрасте:

– 언니 왔어요? (*Онни васс-о-йо?*)

– 그래 왔다. 니가 안 오니 내 발로 걸어왔제 (박경리, 2008. С. 83)

(*Кырэ ват-та. Ни-га ан о-ни нэ бал-ло гор-о-ват-чче*)

Переводчик сильно русифицирует эту ситуацию, полностью устраняя дистанцию между старшей и младшей сестрами, еще более подчеркивая фамильярность частицей *что ль*:

Ёнбин: Ёнсук, ты что ль?

Ёнсук: Ну, я, а что? Вы не приходите, так я сама пришла (с. 57)

Наш вариант показывает, что фамильярность в языке (и в общении) может позволить себе только старшая:

Ёнбин: Сестра, рада, что Вы пришли!

Ёнсук: Да, вот и пришла! Ты не приходишь, так я сама и притопала.

(*нэ бал-ло гор-о-ват-чче* 내 발로 걸어왔제 дословно переводится как «своими ногами и пришла»).

Выражение «*Онни васс-о-йо?*» «*언니 왔어요?*» (поморфемный перевод – «Сестра пришли?») звучит, конечно, для русского уха странно, однако именно так корейцы обычно приветствуют гостя. Иногда при встрече с человеком, который вернулся из поездки, «задают» другой вопрос: «Когда Вы приехали?» («*Ончже васс-о-йо?*» «*언제 왔어요?*»). Приветствием считается и другое выражение, формально тоже являющееся вопросом: «Куда Вы идете?» («*Оды-е га-се-йо?*» 어디에 가세요? Поморфемный перевод – «Куда идете?»). На самом деле, спрашивающего не интересует дата приезда человека или куда он направляется: у этих «вопросов» сменилась первоначальная коммуникативная функция, и в корейском обществе такие выражения принято считать приветствием.

Обращает на себя внимание в социокультурном аспекте и разговор между Понхи, женой аптекаря Кима, и слугой Чи Соквоном. В оригинале женщина, несмотря на то что ее положение считается в корейской культурной иерархии высоким, обращается к слуге на «Вы», и к его фамилии прибавляет вежливое слово *собан* (서방 – обращение к старшему мужчине, не имеющему статуса, или к младшему женатому мужчине):

– 아아, 아니 그러믄 지 서방 아이란 말이요? (박경리, 2008. С. 66)
(*Аа, ани кы-ро-мын Чи собан аи-ран мар-и-йо?*)

К сожалению, в переводе эта существенная особенность отношений между персонажами не отмечена.

– К-как это? Значит, это **твой** ребёнок? (с. 46)

Кроме того, во времена, описанные Пак Гённи, отношения между людьми разных сословий также имели особенности. Аристократ (*янбан*), даже небогатый, на ступенях социальной лестницы всегда находился выше торговца, пусть даже очень богатого. Поэтому разговор между аптекарем Кимом, который является *янбан*, и торговцем Чон Кукчу не должен переводиться как разговор двух приятелей, обращающихся друг к другу на «ты», и это значит, что в нем не должно быть простонародных выражений.

그런 농을 그만두시고 내 칭이나 들어주소.
(*Кы-рон нон-ыль кыман-ду-си-го нэ чхон-ина дыр-о-чжу-со*).
무슨 칭이요? (박경리, 2008. С. 139) (*Му-сын чхон-и-йо?*)

Переводчик:

Аптекарь: Ладно, хватит языком молоть. Лучше выслушай мое предложение.

Чон Кукчу: Что за предложение? (с. 92).

Несмотря на то что в оригинале в конце предложения стоит глагол с окончанием *-со* (소), показывающим непринужденность повелительной формы глагола, тем не менее так фамильярно, как переведено на русский язык, т. е. с использованием просторечия, аристократ к гостю обращаться не может. Тем более что в оригинале в первом глаголе *кыман-ду-си-го* 그만두시고 (перестать, прекращать) присутствует суффикс вежливости *-си* (시), лингвистически запрещающий такой стиль общения.

Адекватное соответствие нам представляется таким:

Аптекарь: Давайте оставим эти шутки. Лучше выслушайте мое предложение.

Чон Кукчу: О каком предложении вы говорите?

В корейском обществе с присущим ему культом старшего таких отношений придерживались столетиями, и потому эти строгие лингвостилистические правила существуют до сих пор.

Таким образом, проведенный анализ передачи фоновой информации через корейские реалии в романе «Дочери аптекаря Кима» подтвердил вывод теоретиков перевода о необходимости знаний переводчиком фоновой культурной информации исходного текста. Обнаруженные же ошибки и неточности в переводе отдельных этнографических реалий показывают, что переводчику их недостает. Плохо поняты им факты материальной культуры (особенности строения дома, теплый пол, подвал, терраса) не дали возможности читателю правильно представить быт традиционного корейского жилища – важной составляющей этнографической реалии Кореи. Однако для текста романа и его художественного содержания роль ошибок и неточностей в передаче этих сугубо бытовых реалий оказалась не столь существенной. Этого нельзя сказать, однако, о роли ошибки в переводе диалектизмов, т. е. в показе лексического различия между общекорейским языковым стандартом и диалектом провинции Кёнсандо («быть опозоренным» и «терпеть лишения»), незнание которого привело к неоправданной социокультурной ситуативной трансформации фрагмента, оказавшегося русифицированным. Кроме того, художественное содержание романа пострадало от незнания переводчиком фактов нематериальной культуры, связанных с обычаями, элементами культа и общественными отношениями корейцев. Эти факты, будучи непонятыми переводчиком, не позволили ему передать тонкости взаимоотношений между персонажами романа (родственниками, мужчинами и женщинами, представителями разных сословий), живущих по традиционным конфуцианским правилам. Культурная адаптация не дала возможность сделать акцент на важных представлениях, связанных с религиозными воззрениями корейцев (вера в предписание судьбы, отношение к духам, потусторонним силам, похоронам). Всё указанное выше привело к неправильному восприятию читателем некоторых культурных особенностей Кореи, описанных в романе классика корейской литературы Пак Гённи.

Оправданием такой недооценки важности этнокультурной информации в художественном переводе текста, принадлежащего восточной культуре, может служить отсутствие опыта у переводчика: это его первый перевод художественного текста.

Список литературы

Артемяева Н. Г. Происхождение и эволюция традиционной системы отопления (кан и он-доль) народов Дальнего Востока // Ойкумена. Владивосток: Дальнаука, 2008. Вып. 1. С. 38–45.

БКРС – Большой корейско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Л. Б. Никольского. М., 1976.
Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М., 1990.

Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М., 2006. 236 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. 278 с.

Джарылгасинова Р. Ш. Корейское жилище // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии: Колл. монография. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. С. 216–227.

Ионова Ю. В. Этнография Кореи (Избранные статьи). М.: Изд-во «Первое марта», 2011. Т. 9. 424 с. (Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем»)

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Комиссаров В. Н. «Естественность» художественного перевода // Литература и перевод: проблемы теории. М., 1992.

Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 289 с.

Пак Вансо. Забытый вкус кислички / Пер. с кор. Ли Сан Юн, Хам Ёнчжуна. М.: Изд-во «Время», 2011. 317 с.

Пак Гённи. Дочери аптекаря Кима / Пер. с кор. Д. Капарушкиной. М.: Изд-во «Эра», 2011. 240 с.

Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 158 с.

Фефелов А. Ф. Взаимосвязи перевода и культуры в трактовке С. Басснетт // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 90–97.

Nida E. Toward a science of translating. Leiden, 1964. 331 p.

Venuti L. The translator's Invisibility. London, New York: Routledge, 1995. 365 p.

박경리. 김약국의 딸들. 서울: 나남창작선. 2008. (Пак Гённи. Дочери аптекаря Кима. Сеул: Изд-во «Нанам», 2008).

Материал поступил в редколлегию 05.07.2018

Li San Yun

*National Research University – Higher School of Economics
16 Soyuz Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190121, Russian Federation*

sanyoun@gmail.com

THE REALITIES OF KOREAN CULTURE AND THE LITERARY TRANSLATION (USING PARK KYONGNI'S NOVEL «DAUGHTERS OF PHARMACIST KIM» AS AN EXAMPLE)

Famous South Korean writer Park Kyongni's novel «Daughters of Pharmacist Kim» covers the period from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century which was tragic for Korean people and their social norms because of the Japanese occupation. It depicts particularly the religious beliefs of Korean people, the relationships in the society and the family, the role of the woman, and the daily life of people of different social groups (aristocrats, the wealthy, servants).

The objective of this article is to critically analyze the translation of the novel that touches upon many phenomena exotic for most Russian readers, such as the national identity of Korean culture or the material and spiritual life of Korean society.

The comparison of the Korean and the Russian texts shows that the translation of some ethnographic realia does not quite match the original. For example, some words related to the following phenomena are translated incorrectly: Korean traditional underfloor heating (ondol), superstitions, Koreans' religious beliefs and their perception of ancestors' spirits, supernatural forces, mourning ceremonies, and attire worn to a funeral. In addition to believing in ancestors' spirits, Koreans also believed in prophecies. For example, children of someone who died of arsenic poisoning were believed to be destined to leave no male offspring. This prophecy comes true in the novel: Pharmacist Kim's first son dies in childhood and six daughters are born afterwards. Koreans paid special attention to shamans and believed in their supernatural essence. To this day, Koreans' religious beliefs dating back to ancient times and various folk beliefs peacefully coexist with other world religions. In modern South Korea, people still observe customs and traditions related to funeral rites and wakes, they fear and revere the spirits of the dead, and perform «feeding ancestors' spirits» ceremonies twice a year on certain days chosen according to the lunar calendar.

In addition to the shortcomings of the Russian translation described above, some dialectal items of the Southern province Kyungsan-do are translated incorrectly, and so are occasionally rendered the rules of the traditional verbal etiquette. It may be considered as a gross error because the latter are anchored in the very essence of Korean language and make up an important part of Korean mentality.

Conclusion. So, this analysis of conveying background information through Korean realia in the novel «Daughters of Pharmacist Kim» confirms the theorists' conclusion that the translator must know background cultural information of the source text. Errors and flaws found in the translation of some ethnographic realia show that those errors and flaws are not likely to affect significantly the novel's content or its artistic value. At the same time, the fictional quality of the novel is affected by the lack of translator's knowledge of its dialectal peculiarities and some facts of non-material culture related to customs, elements of cult and public relations among Koreans. All of the above leads to the incorrect perception of some cultural realia of Korea described in the novel of Korean classic writer Park Kyongni.

Keywords: Korean literature, Park Kyongni, the novel «Daughters of Pharmacist Kim», background information, translation of ethnographic realia.

References

Artemieva N. G. Proishozhdenie i evolyutsiya traditsionnoj sistemy otopeniya (kan i ondol') narodov Dal'nego Vostoka [Translation: Origin and Evolution of Traditional System of Heating (caen and ondol') of the People of the Far East]. *Ojkumena*. Vladivostok, Dal'nauka, 2008, iss. 1, p. 38–45. (in Russ.)

Dzharylgasinova R. Sh. Korejskoe zhilishche [Translation: Traditional Korean Dwelling]. *Tipy traditsionnogo sel'skogo zhilishcha narodov Jugo-Vostochnoj, Vostochnoj i Tsentral'noj Azii*. Monograph. Moscow, Nauka, GRVL, 1979, p. 216–227. (in Russ.)

Fefelov A. F. Vzaimosvyazi perevoda i kul'tury v traktovke S. Bassnett [Translation: Interrelationship between translation and culture according to Susan Bassnett]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, iss. 1, p. 90–97. (in Russ.)

Ionova Yu. V. Etnografiya Korei [Translation: Ethnography of Korea] (Izbrannye stat'i). Serija Rossijskoe koreevedenie v proshlom i nastoyashchem. Moscow, Pervoe marta Publ., 2011, vol. 9, 424 p. (in Russ.)

Komissarov V. N. «Estestvennost'» khudozhestvennogo perevoda [Translation: «Naturalness» of art translation]. *Literatura i perevod: problemy teorii*. Moscow, 1992. (in Russ.)

Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation: Lexical Aspects of Translation]. Moscow, 1990, 253 p. (in Russ.)

Kurbanov S. O. Konfutsianskij klassicheskij Kanon synovnej pochtitel'nosti v korejskoj traktovke [Translation: The Confucian Classical «Canon of filial piety» in the Korean Interpretation]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2007, 289 p. (in Russ.)

Sorokin Yu. A. Perevodovedenie: status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury [Translation: Status translator and psycho-hermeneutic procedures]. Moscow, Gnozis, 2003, 158 p. (in Russ.)

Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Translation: Language and Culture. Culture-oriented Linguistics in Teaching Russian as a Foreign Language]. 4th ed. Moscow, 1990. (in Russ.)

Vinogradov V. S. Perevod. Obshchie i leksicheskie voprosy [Translation: General and Lexical Issues]. Moscow, 2006, 236 p. (in Russ.)

Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Translation: Untranslatable in Translation]. Moscow, 1980, 278 p. (in Russ.)

For citation:

Li San Yun. The Realities of Korean Culture and Literary Translation (Using Park Kyongni's Novel «Daughters of Pharmacist Kim» as an Example). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 127–137. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-127-137